

Оттиск печати Фридриха II (1215–1250 гг.).
С акта в городском архиве Франкфурта-на-
Майне

равно борьба за *независимость государства от церковной власти*. Этот мотив слышится везде, и император не хотел, да и не мог, обойти задачу своего времени. Как бы ни были мнения отдельных личностей об этом предмете, борьба представлялась ему возвышенной и задача в высшей степени важной: дело шло не о каком-нибудь второстепенном, личном недоумении или о ничтожном споре за право, которое легко было бы устранить перестановкой слов, но о предмете, который должен был иметь влияние на судьбу целого человечества, подготовить и установить будущее грядущих веков.

При прямом противоречии показаний историков трудно вполне удовлетворительно разяснить в споре Папы с императором тот второстепенный факт, из которого Папа делал обвинительный пункт, а Фридрих II приводил его в свою защиту, а именно: болезнь императора. Но, приняв в соображение многое из предыдущего и последующего, мы можем прийти к следующему, в высшей степени правдоподобным заключением. Император, оставаясь верным своему слову, желал похода, но под условием иметь к тому достаточную силу и полную уверенность в успехе; а потому, в случае недостаточных средств к войне,

он, отложив в сторону фанатизм и религиозную ненависть, весьма охотно вступил бы даже в переговоры с мусульманами, если бы только мог этим путем достигнуть желаемой цели. Но против такого умеренного взгляда на дело восстали все те, которые считали вечную войну с неверными первой обязанностью христианина. Фридрих не хотел и не мог разделять такое убеждение даже и тогда, когда крестоносцы собрались в Брундизи и Гидрунте, сверх всякого ожидания, в большом числе. К сожалению, большинство их было весьма невоинственно и, сверх того, нуждалось во всем; кораблей, съестных припасов и денег было недостаточно, несмотря на то, что император позаботился о всем этом сверх того, к чему его обязывали договоры с Папой. Его противники, сознавая все это и видя, что открывшиеся в войске болезни были естественным последствием жаркого времени, тем не менее, однако, утверждали, что император имел намерение приказать отравить Людовика VI, туринского ландграфа, между тем как такое преступление, помимо всякой нравственности, не могло иметь никакой цели и было бы простым безумием. Не более основательно было сомнение в собственной болезни Фридриха, в высшей степени вероятной при том положении дел; он сам свидетельствовал о ней торжественно, и по-видимому, сами папские послы подтверждали ее. Что императору его болезнь была кстати, при ежедневном уменьшении численности его армии, что, может быть, он и без болезни возвратился бы под тем или другим предлогом — это совершенно другой вопрос. Если Григорий отвечал и на него утвердительно, то в таком случае ему не следовало обвинять императора в публичной лжи, через что ссора могла бы только принять весьма дурной оборот. Притом по Санжерманскому договору Фридрих II сам себя осуждал на отлучение без всяких оговорок, если только он не отправится в Палестину в августе 1227 г., он считался бы отлученным даже прежде, нежели Григорий успел бы издать свою буллу; Фридрих должен был обвинять одного себя, что этот необдуманный договор не оставлял ему ни-